

ДВОЕ В КОМНАТЕ

Небо становится ближе с каждым днём.

Борис Гребеницкий

Из отдушины — таракан.
Видно, небо становится ближе.

У меня на столе стакан,
на балконе пылятся лыжи.
Прадед мой погиб на войне,
я же пью в некультурном виде.
Таракан
сегодня
ко мне!
Он эпоху вулканов видел.

Ходят музы к друзьям моим,
дотемна сидят за арбузом.
Никогда не завидовал им:
ни друзьям, ни тем более музам.

Дом мой, как и желудок, пуст.
Но не холодно и не жарко.
Здесь никто не подсыплет дуст,
здесь не будет визжать «болгарка».

Так шагай таракан по лбу!
Вам противно? А мне приятно.
Сколько раз он видал в гробу
наши карты и белые пятна.

Миллионы свирепых лет
он вращал то в янтарь, то в гравий.
Обновлял свой бронежилет
под напором стихий и тщеславий.

День придёт. Загорчит вода.
Ни один не вернётся из боя.
И наследует землю тогда
скромный труженик из мезозоя.

Вот он крошку с руки берёт,
все конечности напрягает,
упирается, и жуёт,
будто мёрзлую землю копает.

И пошёл... по руке к виску,
быстр, как тромб, и никто не в обиде.
Видал он и любовь и тоску,
это я ничего не видел.

ОДНОКЛАССНИК АНТОН

Он родился от мамы и папы в культурной семье.
В младших классах лепил Ахиллеса и мыслил Елену.
Был и дядя, который открыл, что Гомер не поэт,
Вот Вергилий... Гораций! — и дядины карие очи
Озарялись такой первозданной нездешней слезой,
Что поверишь и Канту, и Юнгу, и в «сущности свыше».

Дядя горько, но честно закончил мехмат МГУ.
Его вкусу могли позавидовать в зале журнальной.
Вкус вообще в их семье почитался главою всему,
И Антон в десять лет засыпал за стихом Элиота.

«Как писать после Данте?! – навязчивый дядин вопрос –
Мандельштам это твердь! Это камень, запущенный в небо.
Слово ждёт, когда вновь Одиссей натрудит полотно!
Это воздух, Антон!». И Антошка кивает усердно.

Никогда он не будет смотреть терпеливо во тьму.
Ибо что там во тьме? Ничего. Только тьма бескультурия.
Он найдёт золотое руно в самых толстых томах,
Ибо, что есть руно, как не листья на древе искусства.

Ничего – скажет дядя – закончишь мехмат и тогда...
В их семье сей вопрос никогда даже не обсуждался.
Но Антон не осилил ни скрипку, ни сумму рядов,
И закончил с зелёным дипломом филфак люберецкий.

Двадцать лет я его не встречал ни в сети, ни метро.
А на днях в лабиринтах фейсбука наткнулся на дискурс:
Энтропия абсурдов и смыслов в свободном стихе,
Симулякр запятой как рандомный графический образ.

Он теперь феминист и адепт всевозможных меньшинств.
У него недоходный, но в целом приемлемый бизнес.
Слава Богу, что он никогда ничего не писал,
А то вот бы работал в каком-нибудь толстом журнале.